

Анна Николаевна Канарская

Младший научный сотрудник, Институт славяноведения
РАН, Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32А.
E-mail: kanarska.anna@mail.ru

«Красная Москва — сердце пролетарской мировой революции»: политэмигранты в столице СССР в 1920–1930-е годы

В 1920–1930-е годы Советская Россия стала одним из мировых центров политической эмиграции. В первом социалистическом государстве нашли убежище многие участники безуспешных революционных выступлений, состоявшихся в Европе после Первой мировой войны. Прибыв в СССР и преодолев первоначальный шок от погружения в непривычную среду, иностранные коммунисты сформировали привилегированную и в значительной степени изолированную социальную группу. Внутри себя она делилась на замкнутые национально-партийные «общины», в которых проходила повседневная жизнь немецких, польских, китайских, болгарских и прочих «борцов революции», а также их семей. Индиферентные в бытность их в Москве к тому, что происходило за пределами их «гетто», по прошествии лет в воспоминаниях политэмигранты выражали весь спектр чувств и оценок в отношении советского общества, правящего режима и в целом окружающей их действительности. Нелицеприятные описания Москвы и москвичей, бытовые сцены, жалобы на несправедливость государственной системы распределения благ и привилегий — все это служит ценным дополнением имеющихся представлений об эпохе и живших тогда людях. Большой террор второй половины 1930-х годов положил конец существованию политэмиграции в СССР как обособленной социальной группы. В конце концов иностранным коммунистам пришлось разделить со всем советским обществом страшные испытания второй половины 1930-х — начала 1950-х годов. Если бы не эта сопричастность судьбе страны, ее образы, оставленные немногими уцелевшими, не были бы столь искренними и, следовательно, исторически ценными.

Ключевые слова: политэмигранты, иностранные коммунисты, Коминтерн, Советский Союз, Москва, общежитие Коминтерна «Люкс», «Дом на набережной», Кремль, голод в СССР

Статья поступила в редакцию: 2 апреля 2025 г.

Статья принята к публикации: 7 августа 2025 г.

Цитирование: Канарская А.Н. «Красная Москва — сердце пролетарской мировой революции»: политмигранты в столице СССР в 1920–1930-е годы // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 68–90. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.3>

С момента появления на карте Европы Советская Россия — первое «государство рабочих и крестьян» — стала одним из мировых центров политической эмиграции¹. Несколько волн переселения были следствием поражения революционных выступлений в Европе в годы после окончания Первой мировой войны. Вопрос численности перебравшихся в СССР революционеров, потерпевших неудачу в «своих» странах, до сих пор остается открытым. Ряд исследователей сходятся во мнении, что их общее количество не превышало нескольких десятков тысяч человек. По данным О. А. Деля, с 1923 по 1932 г. в Советском Союзе политическое убежище обрели более 10 тысяч иностранцев. Наиболее массовое переселение пришлось на 1923–1924 гг. С апреля по декабрь 1925 г. в СССР прибыли 1746 чел.; в 1926–1927 гг. — 1206. В 1934–1935 гг. было принято около 2045 чел.²

Следует, однако, учитывать, что статус политэмигранта получали далеко не все оказавшиеся в СССР иностранные коммунисты. На него могли рассчитывать только те, кто подвергался прямым преследованиям со стороны буржуазного правительства в своей стране, кто не имел более возможности заниматься революционной деятельностью, кому грозила смертная казнь или длительное тюремное заключение. Кроме того, иностранный коммунист мог покинуть свою страну лишь с разрешения национальной компартии. В соответствии с указанными критериями и решался вопрос о признании того или иного революционера-беженца политическим эмигрантом. Решение принималось так называемой Легитимационной комиссией Международной организации помощи борцам революции (МОПР). По данным С. В. Журавлева и В. С. Тяжельниковой, в 1931 г. политэмигрантами было признано 477 чел., в 1932 г. — 570, в 1933 г. — 688 чел.³ Получившие отказ составляли «до половины от всех обратившихся» иностранцев, приехавших в СССР вместе с семьями.

¹ Ватлин 2009; Ватлин 2012; Романова, Орлова (ред.) 2021.

² Дель 1997: 111–112; Иванова 2006.

³ Журавлев, Тяжельникова 1994: 181.

Практика, впрочем, несколько расходилась с формальными предписаниями. К политэмиграции относились отнюдь не только профессиональные революционеры, но и молодые члены иностранных компартий, прибывшие в советские коммунистические университеты для изучения марксизма-ленинизма и овладения «опытом русского пролетариата». Имелось немало представителей некоммунистических партий, а также беспартийных. О мотивах, по которым последние оказались в СССР, можно судить по мемуарам тещи Болеслава Берута (1892–1956)⁴ — польской политэмигрантки Марциянны Форнальской (1870–1963)⁵, описавшей судьбу некоего парижского ремесленника:

Пришло известие, что в России началась революция... Видно, нелегка была жизнь у портного, если он со всей семьей решил уехать с насиженного места в Страну Советов, надеясь найти там лучшую долю. После военной разрухи путешествовать, да еще с малыми детьми, было нелегко, а он даже не наметил определенного места назначения. По своей наивности эти люди полагали: раз была революция, значит сразу же начнется благополучие⁶.

Что касается *активистов* иностранных компартий, то они, отправляясь в Москву, руководствовались не столько бытовыми и материальными (хотя и это имело значение), сколько идейными соображениями:

В путь! В путь! К красному свету! Советская Россия — первая социалистическая республика XX века. О ней ходят различные слухи и всякого рода пропагандистские измышления. <...> Никто не знает, каково истинное положение вещей за “Воротами Свободы”. <...> Демократия, осуществляемая правящей коммунистической партией, партией большевиков, — все это представляет огромный интерес для

⁴ Берут Болеслав — польский партийный и государственный деятель, в 1947–1952 гг. президент Польской народной республики. С 1925 г. учился в Центральной школе КПП в СССР, затем в Международной ленинской школе. В 1930-е годы референт Балканского сектора Коминтерна. В 1932 г. направлен на нелегальную работу в Польшу, где был арестован и приговорен к семи годам заключения.

⁵ Форнальская Марциянна — участница польского рабочего движения, политэмигрантка в СССР с 1923 г., мать Малгожаты Форнальской. В 1944 г. вместе с внучкой при посредничестве Б. Берута вернулась в Польшу.

⁶ Форнальская М. Воспоминания матери / под ред. А. Ермонского, М. Игнатова, Б. Шуплецова. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. С. 469.

изучения. Скорей! Скорей! Скорее к цели! Советский строй — орган самовластия пролетариата; коммунизм, социализм, основанные на экономическом учении Маркса, — все это можно будет изучить там, на месте! Работы — непочатый край⁷.

Процитированные путевые заметки деятеля китайской компартии Цюй Цюбо (1899–1935)⁸ демонстрируют, что отношение будущих политэмигрантов к «новой России» было предопределено еще до личного знакомства с ней. Любая критика советского строя — исходила ли она от «буржуазии» или от разочаровавшихся бывших единомышленников — воспринималась как «пасквиль и клевета», как «контрреволюция». Лишь сообщения партийных и просоветских изданий заслуживали доверия. «А они, — вспоминал Владислав Гомулка (1905–1982)⁹, — о Стране Советов писали в самой превосходной степени»¹⁰.

За переезд, обустройство и адаптацию иностранных коммунистов в Советском Союзе отвечал МОПР. Тем, кто получил одобрение Легитимационной комиссии, полагались различные социальные льготы: трудоустройство, жилплощадь, денежные, продуктовые и вещевые пособия — пайки и талоны, а также медицинская помощь, курортно-санаторное лечение, «прикрепление к спецпитанию» и многое другое, зависевшее от положения конкретного человека в коммунистической иерархии. При этом, согласно директиве Красной помощи¹¹ 1923 г., даже тем, кто «не рассматривался как политический эмигрант»¹², следовало «оказывать поддержку».

Привилегированный статус приехавших по отношению к основной массе советских граждан нас интересует во вторую очередь.

⁷ Цюй Цюбо. Путевые заметки о новой России // Цюй Цюбо. Публицистика разных лет / ред. Л. П. Делюсин. М.: Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 61.

⁸ Цюй Цюбо — китайский публицист, пропагандист марксизма, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Китая, деятель Коминтерна. В 1920-е годы несколько раз посещал Советскую Россию.

⁹ Гомулка Владислав — польский коммунист, партийный и государственный деятель; во время Второй мировой войны и позднее 1-й секретарь ЦК ППР — ПОРП. В 1930-е годы неоднократно приезжал в СССР, учился в Международной ленинской школе. Впоследствии направлен на нелегальную работу в Польшу.

¹⁰ Gomulka W. Pamiętniki. Warszawa: Polska oficyna wydawnicza "BGW", 1994. T. I. S. 208.

¹¹ Так поначалу назывался МОПР.

¹² Директивы Центрального комитета красной помощи по вопросу о политической эмиграции от 27.II.1923 (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 205. Л. 1–3).

Более значимая «уникальность социальной категории иностранцев» состояла в том, что, в отличие от местных, «прибывшие из разных стран и являвшиеся носителями разных культур, ментальностей, политических традиций <...> бытовых привычек <...> имели возможность сопоставлять советскую действительность с Западом. В силу этого их взгляд на СССР был зачастую более острым и точным»¹³. К этому тезису С. В. Журавлева стоит добавить, что, судя по имеющимся воспоминаниям, разница между ожиданиями и реальностью могла оказаться весьма существенной¹⁴.

Не претендуя на изложение представлений политэмигрантов во всей их полноте, сфокусируемся на нескольких типичных образах Москвы 1920–1930-х годов. К таковым, безусловно, относятся впечатления от московских вокзалов, встречающиеся во всех без исключения мемуарах. Польская коммунистка и варшавянка Целина Будзинская¹⁵ (1907–1993) вспоминала свой приезд в Москву в 1926 г.:

Наконец-то нас приветствует долгожданная столица Страны Советов. Рижский вокзал <...> Кошмар. Маленькие, грязные заснеженные помещения, полные лежащих вповалку людей и узлов. Одни спят, прикрывая телом свой убогий багаж, другие хозяйничают на клочке грязного пола, кормят младенцев, вынимают их из мокрых тряпок. Женщины закутаны в рваные платки, мужчины в грязных истрепанных шинелях или ватниках. Храп спящих, плач детей, духота, зловоние. Мне кажется, что я оказалась в первом круге ада¹⁶.

Таким же предстает Белорусский вокзал в романе чешского писателя-коммуниста Иржи Вайля, находившегося в СССР в 1933–1935 гг.:

Первое, что ощутила Ри: все было совершенно чужое. Она знала вокзалы почти всех европейских больших городов, но ведь это вообще

¹³ Журавлев 2002: 188.

¹⁴ См.: Симкин 2022.

¹⁵ Будзинская Целина — польская коммунистка. С 1926 г. политэмигрантка в СССР. Жена деятеля Коммунистической партии Польши, участника Октябрьской революции Станислава Будзинского (1894–1937). Репрессирована. В 1945 г. освобождена и направлена на партийную работу в Польшу. Впоследствии занимала ответственные партийно-государственные посты в ПНР.

¹⁶ Budzyńska C. Strzępy rodzinnej sagi. Warszawa: Zydowski Institut Historyczny, 1997. S. 213–214.

не было похоже на вокзал. Скорее это напоминало восточные базары с их шумом и гамом, на перроне стояли люди с длинными бородами, с грязными мешками за спиной, здесь было много людей, которые не могли иметь никакого отношения к дороге, поезду, отъезду, оставалось загадкой, что они здесь, собственно, делают, ведь куда-то же они должны были ехать¹⁷.

«Отгадку» мы обнаруживаем в воспоминаниях Леопольда Треппера (1904–1982)¹⁸, прибывшего в 1932 г. из Парижа на учебу в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ):

Вокзал и прилегавшие к нему площади и улицы кишили тысячами крестьян, их женами и детьми. Изможденные, прижимая к груди свои мешки, они ожидали прибытия нужного им поезда.

«Но куда же они едут?» — мысленно спросил я себя.

Изгнанные из своих деревень, они направлялись далеко-далеко на восток, в Сибирь, где не было недостатка в целинных землях.

Эстетический шок от «ворот города» послужил прелюдией к осознанию Треппером несоответствия заочных представлений о Советской России действительному положению вещей:

При выходе из вокзала я увидел милиционера и решил спросить его, как мне добраться до места. Поставив чемодан на пол, я подошел к нему.

— Вы кто? Вы — иностранец? — спросил он.

Я кивнул.

— Тогда вот вам мой совет. Всегда держите чемодан в руке. А то здесь, знаете ли, вор на воре!

Воры в Москве? Через пятнадцать лет после Октябрьской революции?! Это просто ошеломило меня. Я взял такси и попросил отвезти меня по адресу, где жил мой старый друг Эленбоген. <...> Мы проговорили всю ночь. Хоть и беспартийный, Эленбоген был далек от неприятия советского строя, но то, что он мне рассказал о коллектivизации, о жизни в Москве, о судебных процессах, в корне отличалось от всего, что я читал или слышал. С первых же часов мне

¹⁷ Вайль И. Москва — граница. М.: Издательство «МИК», 2002. С. 36.

¹⁸ Треппер Леопольд — советский разведчик, организатор разведывательной сети в Западной Европе во время Второй мировой войны, известной как «Красная капелла».

открылась пропасть между пропагандой и реальной жизнью. Огромная пропасть¹⁹.

Что касается воровства и вообще преступности, не один Треппер пребывал в плену той иллюзии, что им нет места в стране, почти построившей социализм. Гомулка, прибывший в Москву в 1930 г., вспоминал, как однажды, сидя в «лимузине с задернутыми шторками», он услышал, как кто-то из прохожих сочно выругался по-русски и выкрикнул в его адрес: «Вот буржуи едут!» Сопровождающий попытался замять инцидент, пояснив, что это всего лишь хулиганы, не заслуживающие внимания.

Хулиганство существует во всех странах, но тогда мне казалось, что в Советском Союзе — в kraju социализма — не может быть условий для возникновения такого рода явлений. Этот мой наивный, идеализированный взгляд на первую страну социализма постоянно пересматривался²⁰.

Мемуары Гомулки — пример того, как политэмигранты сопоставляли советские порядки и нормы поведения с тем, что было принято в их странах. Выразительно описание знакомства автора с московской милицией в первый день пребывания в столице. Пытаясь отыскать «дом Коминтерна», фасад которого обращен на Манежную площадь, он обратился к постовому, который крайне грубо ответил, что не знает. От второго милиционера Гомулка тоже ничего не добился. Третий, увидев, что перед ним «не советский гражданин», посоветовал ему пройти в отделение милиции и там задать свой вопрос:

Почему милиционер так со мной обращался, почему он не заглянул в информатор, как это делают полицейские в Варшаве? В Варшаве каждый полицейский имел при себе план города, список всех улиц и крупных учреждений. И всем, кто обращается, дают полную информацию²¹.

Возвращаясь к диссонансу ожидаемого и увиденного, отметим, что он далеко не всегда приводил к кардинальному переосмыслению

¹⁹ Треппер Л. Большая игра: Воспоминания советского разведчика. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 39–40.

²⁰ Gomulka W. Pamiętniki. S. 217.

²¹ Ibid. S. 206–207.

иностранцем заочных превратных представлений об СССР. Как правило, под воздействием средств советской пропаганды, а также в силу нежелания признаваться в собственных заблуждениях политэмигранты «успешно» преодолевали кратковременный «кризис веры». Переживания такого рода, чаще всего вызванные картинами крайней нужды и детской беспризорности, много лет спустя описывала жена видного деятеля немецкой компартии, а также узница советских и нацистских концлагерей Маргарете Бубер-Нейман (1901–1989)²², оказавшаяся в СССР в 1931 г.:

Первым делом мы поехали по городу, чтобы я могла получить впечатление обо всех московских достопримечательностях. Но я в изумлении взирала на улицы, которые напоминали копошащийся муравейник — потоки людей непрерывно струились во всех направлениях. И все эти люди походили друг на друга: убогая, серая, плохо сшитая одежда и озабоченные лица. Мне с трудом удалось скрыть замешательство и подавленность <...>. На заводах, куда меня возили на автомобиле, тоже нашлось, чему подивиться, и я судорожно старалась не замечать мусора и беспорядка во дворах, где ржавели под дождем наполовину ушедшие в землю детали станков и даже целая динамомашина. Но когда я заметила, как на одной из центральных улиц перед витриной толпятся оборванные ребятишки, я больше не могла сдерживаться и спросила — неужели на всех детей еды не хватает? Мне был дан ответ, который одним махом развеял все мои сомнения и возводил прежнюю веру в идеальную Советскую Россию <...> — советский народ охотно мирится с временным дефицитом, потому что знает, какое светлое будущее его ждет. Эти объяснения подействовали как заклинание; мне показалось, что даже солнце стало светить совсем иначе²³.

Среди иностранных коммунистов имелись, разумеется, те, кто, в отличие от Бубер-Нейман, не довольствовался одним ответом на неудобные вопросы, множившиеся при столкновении с реальностью. Для таких неокрепших в вере советская власть предусмотрела целую систему перевоспитания, которую в конце 1920-х годов описывала ректор КУНМЗ Мария Я. Фрумкина (1880–1943):

²² Бубер-Нейман Маргарете — немецкая коммунистка, жена Гейнца Неймана. С 1935 г. в политэмиграции в СССР. Репрессирована. В 1940 г. Бубер-Нейман депортирована в Германию и заключена в концентрационный лагерь Равенсбрюк.

²³ Бубер-Нейман М. От Потсдама до Москвы // Иностранный литература. 2015. № 4. С. 46, 48–49.

Приезжают люди из-за границы и становятся ультралевыми. Они совершенно не ожидали видеть нищету, проституцию, беспризорных, в университете они видят тяжелую материальную нужду. Они попадают сначала в состояние глубокого разочарования. Когда посылаем на русскую фабрику, они тоже приходят с настроением, что плохо работают, везде волокита и т.д. <...> Мы убедились, что это болезнь, которую должен пережить каждый приехавший из-за границы. Тогда при достаточно умелом воздействии эти настроения постепенно слабеют. <...> Мы привыкли не приходить от этого в ужас. Мы не предпринимаем репрессивных мер, мы прикрепляем всех к фабрикам и заводам <...>, посылаем в Совхоз <...>, мы считаем, что это лучше, чем репрессии²⁴.

Что касается беспризорников, без их упоминания не обходится ни один автор воспоминаний о Москве. Приехавшая в 1919 г. из Швейцарии Софья Дзержинская (1882–1968) признавала, что было «трудно найти во всей республике города или селения, откуда бы не было паломничества в Москву выброшенного за борт ребенка. <...> Изнемогая под этой тяготой, Москва бьет в набат и бросает громкий призыв [о помощи]»²⁵.

Свою первую встречу с московскими беспризорниками в 1927 г. описала Будзинская:

Вдруг распахиваются двери и с криком, свистом, топотом влетает ватага полудульяволят — мальчишек малых и постарше, черных, как негры, обшарпанных <...> полуугольных. Из драных штанов проглядывали голые, сине-черные зады, босые или в огромных калошах. Я почувствовала себя уже не в первом, а в десятом круге ада и смотрела на это зрелище совершенно одуревшая. Откуда могла я знать, что это обычное для Москвы явление — тучи бездомных детей, проводивших ночи в котлах из-под асфальта. А под утро они, промерзшие, брали штурмом вокзалы, лестничные клетки домов и всякие другие места, хоть немного хранящие тепло²⁶.

²⁴ Выступление ректора КУНМЗ М. Я. Фрумкиной о начале и причинах конфликта и работе по адаптации студентов-иностраниц к жизни советского общества, см.: Москва — Сербия; Белград — Россия. Сборник документов и материалов / авторы-составители А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. М.; Белград: Главное архивное управление города Москвы, Центральный государственный архив города Москвы, Архив Србије, 2017. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. С. 295.

²⁵ Дзержинская С. С. В годы великих боев. М.: Издательство «Мысль», 1975. С. 363, 375.

²⁶ Budzyńska C. Strzępy rodzinnej sagi. S. 214.

Подобные сцены, как и все прочие проявления социально-экономического неблагополучия, трактовались советской властью как пережитки прошлого, последствия Первой мировой и Гражданской войн, подлежащие скорому преодолению. Обратимся еще раз к воспоминаниям Бубер-Нейман, чтобы оценить эффективность официальной пропаганды:

Я питала иллюзии, особенно после того, как посмотрела советский фильм “Путевка в жизнь”²⁷, что с этими бездомными детьми все обстоит так, как показано в киноленте. Я верила, что их отвозят в прекрасные приюты, где умелые педагоги воспитывают из них достойных членов советского общества²⁸.

Степени сочувствия наших героев сирым и убогим мы коснемся позже. Пока лишь отметим, что в целом сопричастность политэмигрантов происходившему с советским обществом оставалась ограниченной в силу того, что их жизнь в Москве протекала в замкнутых национально-партийных «общинах» — польской, немецкой, болгарской, китайской и т. д. Языковой барьер, компактное проживание, обязательная «конспирация» (запрет рассказывать о причинах и обстоятельствах приезда в СССР), постоянный контроль со стороны советских надзирающих органов — все это не способствовало установлению неформальных, доверительных связей с местным населением. Кроме того, отношения внутри «общин» отличал выраженный налет семейственности. Представление об этом, в частности, дают мемуары польской коммунистки Ядвиги Секерской (1903–1984)²⁹: «Трудно было различить, где заканчивались партийные дела и начинались личные. Все между собой переплеталось: партия, семья, дружба»³⁰.

Имели значение и идеологические барьеры. По словам Бубер-Нейман:

²⁷ «Путевка в жизнь» — советский художественный фильм 1931 г. о перевоспитании беспризорных подростков в первые годы советской власти.

²⁸ Бубер-Нейман М. От Потсдама до Москвы. С. 48–49, 59–61.

²⁹ Секерская Ядвига — польская коммунистка. В СССР с 1921 г. Жена деятеля польского и российского революционного движения С. Я. Бобинского. Репрессирована. В 1945 г. освобождена и направлена на партийную работу в Польшу.

³⁰ Siekierska J. Kartki z przeszłości. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 1960. S. 64.

[К]оммунисты редко дружили с людьми за пределами партии. Этому препятствовало их политическое убеждение, прежде всего — нетерпимость к инакомыслию. Это приводило к общественной замкнутости и к своего рода близкородственным отношениям. Внутри партии коммунист тоже был ограничен в выборе друзей, они должны были принадлежать к одной фракции³¹.

Отчасти изолированность политэмигрантов была обусловлена их неадекватным представлением о том, какого мнения о них окружающие. Советская пропаганда, в 1920–1930-е годы воспевавшая героизм «борцов революции за освобождение мирового пролетариата от гнета буржуазии», у многих из этих «борцов» сформировала представление о собственной значимости и всеобщей признательности за вклад в дело мировой революции. Столкновение подобной иллюзии с реальностью не могло не вызвать у иностранцев чувство отчужденности в отношении местного населения. Для упоминавшийся Секерской стало неприятным сюрпризом, что в середине 1920-х годов москвичи делились на «горячих сторонников и противников революции». Если первых отличало «состояние эйфории и пламенные речи», то вторые шокировали ее «красноречивым мрачным молчанием, ожесточенным выражением лица, и огнем ненависти, которым светились их глаза»³².

Отметим, «огонь» этот мог разгореться в силу не только идеиных, но и сугубо бытовых, материальных соображений, о чем вспоминал В. Гомулка. В 1930 г. на банкете по случаю конгресса Профинтерна он невольно подслушал разговор двух официанток, обсуждавших иностранных гостей:

“Обжираются русским маслом, в то время, когда русские не имеют даже хлеба”, — эти оскорблении произвели на меня печальное впечатление. Ведь каждый из этих делегатов был горячим другом Советского Союза, прославляя его среди рабочих в своей стране. А вот советский обслуживающий персонал столовой с такой ненавистью высказывается о них. Мое тогдашнее мнение о советских людях отличалось немалой долей наивности. Я просто идеализировал их, как и вообще весь Советский Союз³³.

³¹ Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920–1930-х гг. М.: «АИРО — ХХ», 1995. С. 108.

³² Siekierska J. Kartki z przeszłości. S. 30.

³³ Gomulka W. Pamiętniki. S. 208.

На плохо завуалированную ксенофобию и неприязнь со стороны жителей столицы жаловался Шэн Юэ (1907–2007)³⁴ — студент Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена:

Люди часто оскорбляли нас на улицах, спрашивая по-русски: “Друг, соли не надо?” Сначала мы не знали, что это значит. Спрашивали преподавателей в университете, но они смущались и не отвечали на наш вопрос. Только позднее мы узнали, что это было связано с сообщением о китайце, умершем летом в Санкт-Петербурге. Чтобы тело можно было увезти в Китай для погребения, родственник его, вероятно, был вынужден упаковать тело с солью, чтобы предохранить от разложения. <...> Нечего и говорить, что мы всегда злились, когда нас спрашивали: “Соли надо?” А спрашивали нас об этом все слои русских людей — взрослые, подростки, бывшие знаменитости и “советские граждане нового типа”. И еще одно нас злило и возмущало — куда бы мы ни пришли, всегда находились люди, которые вызывающие спрашивали нас, где мы взяли деньги на учебу в Москве. Обычно мы отвечали, что получаем поддержку от революционного правительства. Но иногда стерпеть такие нападки было невозможно, и мы отвечали резко, что это не их дело, пусть успокоятся — не из их кармана³⁵.

Отметим, что раздражение не заглушило у Шэн Юэ сочувствия к советским гражданам и не умалило мужества признать *post factum*, что неудобные вопросы имели под собой основание:

Ситуация волновала меня, потому что мы в Университете им. Сунь Ятсена пользовались роскошным содержанием, нас замечательно кормили и хорошо одевали. В то же время я не мог не замечать душераздирающие очереди русских, стоявшие целую ночь перед магазинами, где они надеялись, часто напрасно, получить утром крохотный кусочек мяса. Не мог я не замечать русского студента из Московского университета, работавшего у нас часть времени на пилке дров для печей <...>. При температуре намного ниже нуля он был одет только в поношенный бумажный пиджак. Я видел, как он дрожал от холода и знал, что вернется он, по всей вероятности, в нетопленный дом. Кроме того, каждый день, когда мы поглощали превосходную пищу,

³⁴ Шэн Юэ — китайский коммунист, один из первых лидеров Коммунистической партии Китая. В 1926–1930 гг. учился в СССР.

³⁵ Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания / отв. ред. Ю. В. Чудодеев. М.: Издательство «Крафт+», 2009. С. 46.

я знал, что наши профессора о такой хорошей еде и мечтать не могли <...>. Некоторые из нас просили преподавателей объяснить, почему Советский Союз помогает другим за счет своего народа. Один профессор <...> ответил нам, что революционная партия не должна быть скрупой, а революционер не должен быть скрягой³⁶.

В отличие от китайского студента, М. Бубер-Нейман, как и большинство политэмигрантов, предпочитала «не знать», как живут жители страны, их принявший. «Во время своего пребывания в Москве я не имела понятия о том, что творится всего лишь в нескольких сотнях километров от окраины города»³⁷, — в книге, опубликованной в 1967 г., мемуаристка утверждала, что пребывала в полном неведении о голоде, вызванном колLECTIVИЗацией. В начале 1980-х прошлое вспоминалось уже чуть более отчетливо, поэтому она признала, что даже в «гетто коминтерновских функционеров» проникали «пугающие вести из неведомого мира». При случайной встрече «с оборванными крестьянами» или беспризорниками у Бубер-Нейман «возникало чувство страха и отчаяния», и она начинала мучиться вопросом:

Неужели все было напрасно, неужели не оправдались надежды на богатую, счастливую жизнь при социализме? Но эти приступы отчаяния причудливым образом проходили так же быстро, как и накатывали. Разумеется, утешала я себя, скоро кризис будет преодолен <...> мир, в котором свирепствовал голод, жестокий, косящий людей голод, не имел ничего общего с моей повседневной жизнью³⁸.

Изолированность Бубер-Нейман и ей подобных от «мира» во многом поддерживалась советской властью, пресекавшей несанкционированное общение и любые неформальные связи между эмигрантами и «местными». Показательна история, произошедшая с польской коммунисткой Камиллой Канцевич (1879–1952)³⁹, работавшей психиатром в подмосковной больнице для душевнобольных⁴⁰. Будучи един-

³⁶ Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена. С. 110–111.

³⁷ Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. С. 125.

³⁸ Бубер-Нейман М. От Потсдама до Москвы. С. 71.

³⁹ Канцевич Камилла — член Коммунистической партии Польши. С 1930 по 1945 г. — в политэмиграции в СССР.

⁴⁰ В настоящее время — Психиатрическая клиническая больница №5 Департамента здравоохранения г. Москвы. Находится в поселке Троицкое, неподалеку от Чехова.

ственным членом партии, она попыталась заступиться за остальных беспартийных врачей, страдавших под пятой руководителя больницы — «настоящего пролетария и бывшего кавалериста-буденновца»:

На ближайшем же партийном собрании Камилла доложила о жалобах персонала и предложила отправить в соответствующее министерство в Москве делегацию, которая поставит власти в известность о трудном положении учреждения и попросит помочь. На следующий день в райком партии пришло донесение, что товарищ Концевич открыто призывает персонал к бунту. Райком исключил ее из партии. Ее бы и из больницы выгнали, да Максу⁴¹ удалось спасти ее от неприятностей, пояснив, что она привыкла в капиталистической Польше защищать работников наемного труда⁴².

Описанная сердобольность представляла собой исключение из правила. Судя по воспоминаниям политэмигрантов, гораздо больше, чем положение советских граждан, их волновало социальное и имущественное неравенство в собственной среде, наиболее отчетливо проявлявшееся при распределении жилплощади. В Москве политэмигранты, как правило, получали жилье в центре. Это могли быть ведомственные квартиры или комнаты, принадлежавшие тем учреждениям, где они были трудоустроены⁴³. Студентам предоставлялось «койко-место» в общежитии, а высокооплачиваемые специалисты могли снимать жилье по своему карману и нанимать прислугу.

⁴¹ Горвиц (Хорвиц) Максимилиан Генрик (он же Генрик Валецкий) (1872–1937) — один из организаторов компартии Польши, член ВКП(б), высокопоставленный функционер Коминтерна. Брат Камиллы Концевич.

⁴² Ольчак-Роникер И. В саду памяти. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 229.

⁴³ Немецкий коммунист Маркус Вольф вспоминал, что в 1933 г. его отцу Фридриху Вольфу сразу, по приезде в СССР «как писателю-революционеру предоставили двухкомнатную квартиру с ванной и кухней в Нижнем Кисловском переулке, что по тем временам считалось невообразимой роскошью. Наш дом находился неподалеку от Арбата, в нескольких минутах ходьбы от Кремля». См.: Вольф М. Трои из 30-х: История несозданного фильма. М.: Прогресс, 1990. С. 28–29. Иным по комфорtabельности было жилье страдавшего туберкулезом рядового чехословацкого коммуниста Рудольфа Колмана — бывшего узника катаржной тюрьмы Цухтгаус, обменянного через МОПР при посредничестве Вильгельма Пика в 1930 г. «В Москве этому политэмигранту дали жалкую комнату на Красной Пресне, в районе, где тогда в домах не было водопровода — воду ему приходилось носить из уличной колонки. На работу его устроили в редакцию издававшейся тогда в Москве газеты на немецком языке» (Кольман А. Мы не должны были так жить / предисл. Ф. Яноуха. New York: Chalidze Publications, 1982. С. 195).

Вновь прибывшие в СССР политэмигранты, как правило, расселялись МОПРом. Наиболее известным местом временного проживания считался «Дом политэмигрантов» на Воронцовом поле. Однако на практике некоторые политэмигранты могли проживать в нем годами.

Наиболее часто в доступных нам текстах упоминается общежитие Коминтерна, известное как «Отель Люкс». Находившееся на Тверской улице здание до 1917 г. принадлежало семье булочников Филипповых. На первом этаже находилась знаменитая булочная, сохранившаяся и в советское время. На верхних этажах размещалась гостиница «Франция», отличавшаяся самым современным оснащением. После революции в ней разместилось общежитие ВЧК, а летом 1920 г. ее передали Коминтерну для расселения сотрудников аппарата и представителей зарубежных компартий.

Распределение номеров и квартир в «Люксе» строго регламентировалось. Бельэтаж с его «красавцем-вестибулем»⁴⁴, где, по выражению Елены Боннэр, можно было «барствовать» в креслах, предназначался для «ответственных» товарищей с семьями или без, а верхние этажи — для рядовых работников аппарата. Бубер-Нейман, проживавшая в большой светлой комнате по соседству с Андре Марти (1886–1956), вспоминала:

На нижних этажах обитали “сливки” Интернационала. Первый номер этого коминтерновского дома, состоявший из нескольких комнат, занимал теоретик Коминтерна Варга с женой и сыном; но от этажа к этажу персоны становились все менее важными, и на самом верху ютились, по несколько человек в одной комнате, стенографистки и технические работники. Комендант — так именовался директор “Люкса” — строго придерживался новых советских понятий о верхах и низах и в соответствии с ними обустраивал свое хозяйство⁴⁵.

Жена шефа финской компартии Айно Куусинен (1880–1970)⁴⁶, предпочитавшая «Люкс» кремлевским квартирам, отметила, что в нем

⁴⁴ Боннэр Е. Г. Дочки-матери. М.: Прогресс, Литера, 1994. С. 98.

⁴⁵ Бубер-Нейман М. От Потсдама до Москвы. С. 56.

⁴⁶ Куусинен Айно — финская и советская коммунистка, жена Отто Куусинена, финского революционера и основателя Коммунистической партии Финляндии, высокопоставленного советского государственного деятеля. С 1922 г. проживала в Москве, работала в Коминтерне. Репрессирована в 1938 г. Реабилитирована. Вернулась в Финляндию в 1965 г.

«условия были первоклассные»⁴⁷. Не лучше стенографисток жила семья Б. Берута в бытность его референтом аппарата Коминтерна с конспиративным именем Ян Иванюк. По воспоминаниям М. Форнальской, ее зятю предоставили комнату «на пятом этаже, [которая] была рассчитана на двоих, а нас там четверо с маленькой [дочкой] <...> длинная и такая узкая, что две кровати рядом не поставишь»⁴⁸.

Особенно остро квартирный вопрос стал восприниматься жителями политэмигрантского «гетто» после 1931 г., когда наиболее высокопоставленные иностранные коммунисты переселились в свежепостроенный «Дом на набережной». Шариковская тирада — «один в семи комнатах расселился, штанов у него сорок пар» — приходит на ум при знакомстве с впечатлениями Бубер-Нейман от посещения жилища руководителя информационно-пропагандистского отдела Коминтерна Вильгельма Кнорина (1890–1938):

Квартира была обставлена унылой, но совершенно новой мебелью, чего я до сих пор ни разу не видела в Москве. Из вежливости я сказала, что мне нравится обстановка, а Кнорин объяснил, что ее полностью меняют, по крайней мере, четыре раза в год. Через определенные промежутки времени мебельная фабрика все вывозит из квартиры и заново обставляет ее новейшей продукцией. Я сперва подумала, что неправильно поняла его, <...> это никак не сочеталось с тем, что рассказывали мне о жизни в Москве друзья и знакомые. В 1932 г. в этом городе было попросту невозможно купить хоть что-то из обстановки⁴⁹.

Разумеется, советская система льгот и привилегий не ограничивалась распределением мебели и квадратных метров. Рацион иностранных коммунистов тоже зависел от места в партийно-государственной иерархии, как следует из воспоминаний того же автора о ее житье-бытье в «Люксе»:

В один прекрасный день заднюю часть столовой отгородили большой занавеской, и удивленные работники Коминтерна узнали, что отныне функционеры с “более высокой” ответственностью будут вкушать еду несравненно лучшую, нежели большинство рядовых

⁴⁷ Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919–1965. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 18–19.

⁴⁸ Форнальская М. Воспоминания матери. С. 478, 484.

⁴⁹ Бубер-Нейман М. От Потсдама до Москвы. С. 57.

сотрудников, рабочих и домохозяек — эти будут пытаться еще хуже, чем раньше. Дисциплинированные сотрудники Коминтерна безропотно подчинились этим “социалистическим требованиям”, да и не только они — по всей стране творилось то же самое⁵⁰.

Подлинные чувства, которые испытывало «дисциплинированное» большинство в связи с продовольственной сегрегацией, прорываются даже со страниц официозной книги тещи Берута:

Я жила в одном коридоре с семьей товарища Пика — покойного президента ГДР; пользовалась вместе с ними общей кухней. Однажды я зашла на кухню и застала там супругу товарища Пика, которую обступила тройка ее рослых, *упитанных* (курсив мой. — А.К.) детей. Товарищ Пик маленькая, а дети высокие, и поэтому она смотрела на них снизу вверх⁵¹.

Сыновей Вильгельма Пика (1876–1960)⁵² Форнальская вспомнила в связи со своими тремя детьми, которых вскоре после описанной сцены арестовали в Москве. Берут с женой Малгожатой Форнальской (1902–1944)⁵³ к этому времени находились в польской тюрьме. Туда они попали, будучи заброшенными на нелегальную работу «в страну». На иждивении мемуаристки, подрабатывавшей в «Люксе» уборщицей, осталась внучка⁵⁴, довести которую до состояния «упитанности» не представлялось возможным, ведь приходилось еще оплачивать проживание в «узкой» комнате:

Я словно очнулась от сна, и первая моя мысль была о том, что теперь я осталась одна в этом городе [Москве]. Надо было прикинуть, как жить, чтобы хватало на ребенка очень маленькой пенсии. <...> Денег <...> было маловато, но голодные мы не ходили; одевались скромно, но чисто. Я покупала только самые необходимые вещи⁵⁵.

⁵⁰ Бубер-Нейман М. От Потсдама до Москвы. С. 72.

⁵¹ Форнальская М. Воспоминания матери. С. 493, 487, 517.

⁵² Пик Вильгельм — немецкий коммунист, один из основателей Коммунистической партии Германии. Высокопоставленный функционер Коминтерна. В 1949–1960 гг. — первый президент ГДР.

⁵³ Форнальская Малгожата — польская коммунистка, политэмигрантка. В 1920–1930-е годы училась и работала в СССР; гражданская жена Б. Берута. По заданию Коминтерна находилась на нелегальной работе в Польше.

⁵⁴ Александра Ясиньская-Каня (род. в 1932 г.).

⁵⁵ В конце концов внучку Александру удалось пристроить в так называемый Интернациональный детский дом в Иваново, о посещении которого Форнальская

Картину жизни впроголодь рисует еще одна польская коммунистка — в то время студентка КУНМЗ Ц. Будзинская:

Наши друзья из “Люкса” по сравнению со “студенческой беднотой” были магнатами. Они получали “парти максимум”, а иногда и гонорары за статьи. Время от времени они забирали нас, “голодную губернию”, в рестораны на шашлык и сухое грузинское вино⁵⁶.

Как видно из приведенной выше цитаты Бубер-Нейман, сословный характер советского общества и вытекавшее из него имущественное расслоение годы спустя стали очевидны многим политэмигрантам, которым удалось пережить конец 1930-х годов. Некоторые крепкие задним умом мемуаристы утверждали, что им все было ясно едва ли не сразу по прибытии в СССР. Как, например, А. Куусинен, которая, оказавшись в Москве в 1922 г., «скоро поняла, [что] между уровнем жизни советской элиты и рабочего класса была пропасть, заставившая <...> утратить веру в преимущества бесклассового общества»⁵⁷.

Более объективным свидетельством эпохи кажутся воспоминания Будзинской, которая проследила, как постепенно менялся образ жизни советской номенклатуры: «В 1920-е гг. еще что-то оставалось от атмосферы первых революционных лет, наблюдалась определенная аскеза в стиле жизни партийного руководства». В качестве иллюстрации она привела описание бытовой сцены, подтверждавшей «простые» нравы последнего:

Еще в конце 1920-х гг. по воскресеньям я часто прогуливаясь с детской коляской в Кремль в гости к “тете Броне” Мархлевской⁵⁸. В кремлевских воротах дежурный звонил, чтобы узнать, дома ли хозяева, и пропускал меня без всяких формальностей. На кремлевском дворе я обычно встречала полную, добродушную няню, а рядом с ней играли двое детей: пухлый, надутый мальчик и веснушчатая девчушка с развивающейся шевелюрой — Василий и Светлана

вспоминала с восторгом: «Меня угостили завтраком. Он был великолепен <...> Я никогда бы не могла так обильно кормить Оленью». См.: *Форнальская М.* Воспоминания матери. С. 506.

⁵⁶ Budzyńska C. Strzępy rodzinnej sagi. S. 233.

⁵⁷ Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. С. 19.

⁵⁸ Мархлевская Бронислава (1866–1952) — польская коммунистка, жена видного деятеля международного, польского и российского революционного движения, организатора и председателя ЦК МОПР Ю. Ю. Мархлевского. Политэмигрантка с 1918 г., впоследствии советская гражданка.

Джугашвили. Под опекой их няни я оставляла своего спящего ребенка и шла поболтать к тете Броне. Но идиллия длилась недолго⁵⁹.

С начала 1930-х годов, когда на противоположенном берегу Москвы-реки выросло здание Дома правительства, в него переехали обитатели Кремля и «Люкса». В партийных и правительственный зданиях повсеместно стали вводиться пропуска, а «власти все больше и эффективнее отгораживались от масс». Расширялась система спецраспределения, множились магазины «за желтыми шторами», в которых партийные работники отоваривались в соответствии с собственной категорией. Расслоение, по мнению Будзинской, происходило на удивление быстро:

Люди номенклатуры имели не только власть, но и материальные выгоды <...>. Кусок мяса, масла, рыбы, новая обувь, отрез ткани — все это были отличительные признаки, символы привилегий, обладание которыми означало принадлежность к новой касте⁶⁰.

Политэмигрантов это положение вещей устраивало до тех пор, пока они оставались по нужную сторону «желтых штор». Как много лет спустя признался «научный» работник и партийный пропагандист Эрнест Кольман (1892–1979)⁶¹:

Мы считали тогда все это само собой разумеющимся, не требующим никакого оправдания, никакие угрызения совести нас не тревожили. Раз мы так напряженно работаем, то, естественно, имеем право хорошо отдохнуть. Над тем, что миллионы советских людей, работавших не только так же напряженно, но многие из них в несравненно более трудных условиях, ни малейшими привилегиями не пользуются, над тем, что вся эта наша роскошь оплачивается их же тяжелым трудом, мы не задумывались⁶².

⁵⁹ Budzyńska C. Strzępy rodzinnej sagi. S. 260–261.

⁶⁰ Ibid. S. 260.

⁶¹ Кольман Эрнест (Арношт) родился в Праге в еврейской семье. Во время Первой мировой войны направлен на Восточный фронт, где в 1915 г. попал в плен. После Октябрьской революции остался в Советской России, вступил в Красную армию и РКП(б), в 1918 г. принял советское гражданство. По заданию Коминтерна в 1920-е годы находился в Германии. Вернувшись в СССР, перешел на партийную работу. После Второй мировой войны направлен в Прагу на пост заведующего отделом пропаганды ЦК Коммунистической партии Чехословакии. Родной брат политэмигранта Рудольфа Кольмана, погибшего в советских лагерях.

⁶² Кольман А. Мы не должны были так жить. С. 193.

Оговоримся, конформизм — характерная черта любой замкнутой эмигрантской общины, полностью зависимой от оказавшего ей гостеприимство правящего режима. Безразличие иностранных коммунистов к местному населению — следствие привилегированного положения, в котором они «заслуженно» находились. Прибыв в СССР и преодолев первоначальный эстетический шок от погружения в новую некомфортную среду, большая их часть быстро усвоила установленные властью правила и нормы, соблюдение которых, казалось, гарантировало беззаботное существование. Скорости адаптации в том числе способствовал «политический настрой» тех, кто, по словам отечественного исследователя О. А. Деля, «изначально рассматривал страну иммиграции как свою вторую родину и планировал остаться здесь на постоянное жительство»⁶³.

Однако начавшийся так называемый Большой террор практически свел к нулю результаты интеграции иностранных коммунистов в советское общество. Национально-партийные «диаспоры», сформировавшиеся в 1920–1930-е годы, были ликвидированы. Показательна судьба шести детей М. Форнальской. Из пяти, проживавших в СССР, никто не избежал ареста, и только одна дочь пережила лагерь. Карающего меча революции избежал шестой ребенок — жена Берута, которая во время Большого террора находилась в польской тюрьме. В сентябре 1939 г. она освободилась и перешла на советскую территорию. После начала Великой Отечественной войны Коминтерн снова забросил ее в Польшу, где она и погибла, попав в руки немецкой полиции.

Лишь немногим из тысяч иностранцев, сформировавших поллитмиграцию в СССР, удалось в конце концов уцелеть и дожить до того возраста, когда им захотелось оставить воспоминания о пережитом. Дошедшие до нас образы Советского Союза и его столицы не были бы столь искренними и, следовательно, исторически ценными, если бы их создателям не пришлось разделить со всем советским обществом страшные испытания второй половины 1930-х — начала 1950-х годов.

---

⁶³ Дель 1997: 82–83, 91.

Список сокращений

- КУНМЗ – Коммунистический университет национальных меньшинств Запада
 МОПР – Международная организация помощи борцам революции
 РГАСПИ – Российский государственный архив социальной-политической истории, Москва

Список литературы

- Ватлин 2009 — *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 374 с.
- Ватлин 2012 — *Ватлин А.Ю.* «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 342 с.
- Дель 1997 — *Дель О.А.* От иллюзий к трагедии. Немецкие эмигранты в СССР в 30-е годы. М.: Нойес Leben, 1997. 146 с.
- Журавлев, Тяжельникова 1994 — *Журавлев С.В., Тяжельникова В.С.* Иностранный колония в Советской России в 1920–1930-е годы (Постановка проблемы и методы исследования) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 179–189.
- Журавлев 2002 — *Журавлев С.В.* Иностранные в советском обществе 1920–1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1999–2000 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2002. Вып. 3. С. 186–209.
- Иванова 2006 — *Иванова О.В.* Социокультурная адаптация политических эмигрантов в СССР в 1920–1930-е годы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т. 8. № 3. С. 781–788.
- Романова, Орлова (ред.) 2021 — Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна / отв. ред. Н. Г. Романова, К. В. Орлова. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. 456 с.
- Симкин 2022 — *Симкин Л. С.* Великий обман. Чужестранцы в стране большевиков. М.: Эксмо, 2022. 416 с.

References

- Del', O. A., 1997. *Ot illiuзii k tragedii. Nemetskie emigranty v SSSR v 30-e gody* [From illusions to tragedy. German Emigrants in the USSR in the 1930s]. Moscow: Noies Leben, 146 p. (in Rus.)
- Ivanova, O. V., 2006. Sotsiokul'turnaia adaptatsiia politicheskikh emigrantov v SSSR v 1920–1930-e gody [Sociocultural adaptation of political emigrants in the USSR in the 1920s and 1930s]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 8, 3, pp. 781–788. (in Rus.)

- Romanova, N. G., Orlova, K. V., eds, 2021. *Komintern i Vostok: k 100-letiu Kominterna* [Comintern and the East: on the centenary of the Comintern]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 456 p. (in Rus.)
- Simkin, L. S., 2022. *Velikii obman. Chuzhestrantsy v strane bol'shevиков* [The great deception. Foreigners in the Land of the Bolsheviks]. Moscow: Eksmo, 416 p. (in Rus.)
- Vatlin, A. Iu., 2009. *Komintern: Idei, resheniya, sud'by* [Comintern: Ideas, decisions, destinies]. Moscow: ROSSPEN; Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin, 374 p. (in Rus.)
- Vatlin, A. Iu., 2012. *"Nu i nechist". Nemetskaia operatsiia NKVD v Moskve i Moskovskoi oblasti 1936–1941 gg.* [“What evil spirits”. German NKVD operation in Moscow and Moscow region 1936–1941]. Moscow: ROSSPEN, 342 p. (in Rus.)
- Zhuravlev, S. V., Tiazhel'nikova, V. S., 1994. Inostrannaia koloniia v Sovetskoi Rossii v 1920–1930-e gody (Postanovka problemy i metody issledovaniia) [Foreign colony in Soviet Russia in the 1920s and 1930s (Statement of the problem and research methods)]. *Otechestvennaia istoriia*, 1, pp. 179–189. (in Rus.)
- Zhuravlev, S. V., 2002. Inostrantsy v sovetskem obshchestve 1920–1930-kh godov [Foreigners in Soviet society in the 1920s and 1930s]. In: Sakharov, A. N., ed. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN. 1999–2000*, 3. Moscow: IRI RAN, pp. 186–209. (in Rus.)

Anna N. Kanarskaya,

Junior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow,
Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: kanarska.anna@mail.ru

“Red Moscow is the Heart of the Proletarian World Revolution”: Political Emigrants in the Capital of the USSR in the 1920s and 1930s

In the 1920s and 1930s, Soviet Russia became one of the world's centres of political emigration. Many of those who took part in the failed revolutionary uprisings in Europe after World War I. found refuge in the first socialist state. Having arrived in the USSR and having overcome the initial shock of immersion in an unfamiliar environment, foreign communists formed a privileged and largely isolated social group. Within itself, it was divided into closed national-party “communities”, in which the daily life of German, Polish, Chinese, Bulgarian, and other “revolutionary fighters” and their families took place. Indifferent during their stay in Moscow to what was happening outside their “ghetto”, years later, political emigrants in their recollections would express a whole range of feelings and assessments regarding Soviet society, the ruling regime, and, in general, the environment they had lived in. Unflattering descriptions of Moscow and Muscovites, everyday scenes, complaints about the injustice of the state system of distribution of goods and privileges – all this serves as a valuable addition to prevalent ideas about the era and the people who lived in it. The Great Terror of the second half of the 1930s put an end to political emigration into the USSR as a social group. In the end, foreign communists had to share with the entire Soviet society the terrible trials of the second half of the 1930s and early 1950s. If it had not been for this involvement in the fate of the country, its images, left by the few who survived, would not have been so sincere and, therefore, historically valuable.

Keywords: political emigrants, foreign communists, Comintern, Soviet Union, Moscow, Hotel Lux, Kremlin, famine in the USSR

Received: 2 April 2025

Accepted: 7 August 2025

How to cite: Kanarskaya, A.N., 2025. “Krasnaia Moskva — serdtse proletarskoi mirovoi revoliutsii”: politemigranty v stolitse SSSR v 1920–1930-e gody. *Central-European Studies*, 8, pp. 68–90. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.3>